Рукописи не горят!

DOI: 10.17976/jpps/2015.03.05

СЕМИОТИКА ИЛИ МЕМЕТИКА? К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

И.В. Фомин

ФОМИН Иван Владленович, кандидат политических наук, младший научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Для связи с автором: fomin.i@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 16.02.2015. Принята к печати: 25.02.2015

Работа выполнена в рамках проекта "Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований" (грант РФФИ № 13-06-00789)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семиотики и меметики в качестве двух теоретико-методологических конструкций, каждая из которых по-своему может претендовать на то, чтобы стать трансдисциплинарным методологическим фундаментом для гуманитарных наук. Семиотика с ее теоретико-методологическими концепциями, позволяющими препарировать отнюдь не только тексты на естественных языках, но и вообще любую знаково оформленную действительность, в перспективе может сыграть для гуманитарных наук ту же роль, какую для естественных играет математика. Но в настоящий момент семиотические методы исследований существуют только как россыпь отдельных приемов, которые разбросаны по различным дисциплинам, школам, направлениям и исследовательским традициям. Для того чтобы семиотика в полной мере стала интегрирующей методологией, пронизывающие это пространство базовые семиотические концепции должны быть с этой точки зрения отрефлексированы. При этом понятие знака, выступающее в качестве базового концепта для семиотики, отнюдь не является единственными претендентом на роль элементарной категории описания осмысленного человеком мира. В различных попытках описания форм, обеспечивающих существование, развитие и воспроизводство человеческой культуры, мы сталкиваемся с целым набором концептов (миф, образ, идея, метафора и т.п.), которые представляются схожими, но при этом всегда оставляют пространство для сомнений в своей тождественности, а потому продолжают существовать параллельно. Одно из самых молодых таких слов – мем. Из мемов, согласно концепции меметики (науки о мемах), состоит любая культурная информация, точно так же, как биологическая информация состоит из генов. Однако может ли меметика пойти дальше этого своего исходного наблюдения? Можно ли ее использовать как действующий аналитический инструмент? Может ли меметика быть дополнена семиотикой и в чем? Каковы сильные и слабые стороны этих двух теоретико-методологических рамок?

Ключевые слова: методология гуманитарных наук; мем; меметика; морфология; семиотика; эволюционный институционализм; трансдисциплинарность.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОИСКАХ ОРГАНОНА

"Человек свободен и потому может нарушить любые навязанные ему закономерности", – пишет Михаил Бахтин в одной из своих работ, посвященных творчеству Достоевского [Бахтин 2002: 69]. Такой гуманистический тезис, пожалуй, не может не радовать. Но даже приняв идею свободы человеческой воли и ее

неограниченности закономерностями, трудно избежать признания того факта, что свобода эта распространяется, в лучшем случае, только на социальные закономерности и рамки. При этом законы Природы, физического мира обычно все же признаются как тот ультиматум со стороны Реального, с которым человек вынужден соглашаться, даже не имея права на возражение, не говоря уж о преодолении.

Вместе с тем законы Природы определенно дают человеку много поводов для протеста. Желание иметь возможность эти законы преодолеть возникает, когда, например, мы сталкиваемся с рассуждениями Эрвина Шрёдингера о глобальных физических закономерностях: "Каждый процесс, явление, событие (назовите это, как хотите), короче говоря, все, что происходит в Природе, означает увеличение энтропии в той части Вселенной, где это имеет место. Так и живой организм непрерывно увеличивает свою энтропию, или, иначе, производит положительную энтропию и, таким образом, приближается к опасному состоянию максимальной энтропии, представляющему собой смерть" [Шрёдингер 2002: 75]. С точки зрения научного знания особых поводов для споров в этом высказывании не просматривается, однако экзистенциально освоиться с этой мыслью без чувства протеста и специальной внутренней работы довольно сложно.

Но, может быть, все не столь фатально пессимистично, если добавить к этой печальной картине несколько важных штрихов. У Шрёдингера далее по тексту можно прочитать следующее: "[Живой организм] может избежать состояния максимальной энтропии, т.е. оставаться живым, только постоянно извлекая из окружающей его среды отрицательную энтропию..." [там же]. Иными словами, сама жизнь оказывается протестом против прискорбного факта нарастающей энтропии, а вся суть жизни выражается в постоянной борьбе против этой фатальной закономерности.

Еще несколько важных нюансов в эту картину добавляет тот факт, что человек – это не только живое существо, но еще и существо, способное отразить мир в своем сознании, осознать и факт своего существования, и ситуацию конечности оного. Более того, человек способен вообразить другие возможные и невозможные миры, а также представить в этих мирах не только себя, но и Другого. Человек оказывается, таким образом, существом двоякой природы, обитающим одновременно в двух универсумах: в устремленной к энтропии физической *реальности* и в противоположно направленной, осмысленной *действительности* [Ильин 2009: 186-189].

Человеческую жизнь можно поэтому представить разложенной одновременно на два вектора – материальный и информационный[1]. Она оказывается, с одной стороны, подчинена законам физического мира – и в этом своем модусе стремится к распаду, к смерти. С другой же стороны, реализуясь в своем информационном измерении, она обращена ко все большему упорядочению и осмысленности.

Изучая физическую реальность, в науке обычно пользуются моделями и методами на основе математики. Аналогичные же модели нередко применя-

[1] Т. Парсонс высказывал похожую мысль, отмечая, что наш мир пронизывают два структурообразующих и взаимодополняющих "кибернетических" параметра: энергетическое нарастание контролирующих факторов (*hierarchy of controlling factors*) в сторону физико-органической среды и информационное нарастание обусловливающих факторов (*hierarchy of conditioning factors*) в сторону того, что он именовал "Конечной Реальностью" [Parsons 1966: 28].

ются и в социальных науках. Но могут ли у обществоведческих и гуманитарных исследований найтись в распоряжении исследовательские инструменты другого свойства – такие, которые в большей степени были бы адекватны для задач описания именно действительности, а не реальности, но не уступали бы при этом математическим методам в эпистемологической ценности результатов? Ведь, будем откровенны, сегодня по-прежнему слишком часто – хоть иногда и негласно (что еще более коварно) – ставится знак равенства между математичностью и научностью. И апологетика специфичности наук о человеке и обществе а-ля Риккерт [Риккерт 1998] нередко выглядит скорее как симптом комплекса неполноценности гуманитарного знания, нежели как надежное средство, которое позволило бы от этого комплекса избавиться.

Где же искать то, что станет подлинным, деятельно проявленным методологическим фундаментом гуманитарного знания, а не его апологией? В настоящей статье обратимся к разбору двух теоретико-методологических конструкций, каждая из которых по-своему может претендовать на то, чтобы стать такого рода фундаментом или хотя бы его частью. Две эти концепции – семиотика и меметика.

Семиотика

Семиотикой обычно называют науку, занимающуюся изучением знаков, знаковых систем (языков) и целостных совокупностей знаков (текстов). При этом понятия *знак* и *текст* понимаются максимально широко, т.е. под текстами понимаются отнюдь не только устные или письменные сообщения на естественных языках, но и вообще любые фрагменты человеческой действительности, результаты осмысленной деятельности.

При этом любой текст как средство передачи информации имеет свойство исчерпывать количество энтропии в мире. Именно этим все то, что существует в тексте, отличается от существующего в физической реальности. Мир в его физическом измерении состоит из объектов, которые изменяются во времени в сторону нарастания энтропии. Мир, реализующийся в тексте и создаваемый посредством осмысленной деятельности по мере своего развертывания, напротив, накапливает негэнтропию (определенность)[2].

Вадим Руднев идет еще дальше и в одной из своих работ, посвященных философии текста, пишет: “Вещи движутся в положительном времени, тексты – в отрицательном”. Это может показаться парадоксом, но лишь из-за того, что мы привыкли представлять движение по времени как движение от прошлого к будущему, по лучу, по “стреле времени” слева направо. Движение в отрицательном времени действительно в некотором смысле противоестественно (поскольку являет собой движение по вектору, противоположному темпоральной колее физической реальности), но отнюдь не невозможно.

По определению Ганса Рейхенбаха, направление времени совпадает с направлением большинства термодинамических процессов во Вселенной – от менее вероятных состояний к более вероятным. Но мировая линия событий представляет собой не луч от менее энтропийного состояния к более энтропийному, а кривую, где при общей тенденции к возрастанию энтропии есть отрезки, на протяжении которых энтропия понижается.

[2] Подробнее см., например: [Руднев 2000: 9-22].

Для энтропийного времени реальности Рейхенбахом [Рейхенбах 2003: 35-39] были сформулированы несколько постулатов-определений. Вот основные из них, которые касаются прошлого:

1) Прошлое не возвращается.

2) Нельзя изменить прошлое, но можно изменить будущее.

3) Нельзя иметь протокола (достоверного знания) о будущем, только о прошлом.

Но в информативном времени текста эти постулаты меняются на противоположные.

1) Прошлое текста возвращается, так как каждый текст может быть прочитан сколько угодно раз.

2) С позиции автора прошлое текста, как и его будущее, изменяемо. С позиции читателя – нельзя изменить ни прошлое, ни будущее текста.

3) Можно иметь достоверные знания о будущем текста. Сравним две фразы: а) завтра будет дождь; б) завтра будет пятница. Первое утверждение носит вероятностный характер, поскольку относится к физической реальности. Второе является достоверным, поскольку описывает исключительно семиотическую действительность.

Интересно также, что любой предмет реальности, существуя в "положительном" энтропийном времени, движется к разрушению, а текст, напротив, укрепляется, обрастая все большим количеством информации. Древний текст хранит в себе информацию о своих прежних восприятиях [Руднев 2000: 18-19]. То есть в определенном смысле мы, например, знаем о книгах Ветхого Завета больше, чем о них знали древние евреи.

Важно обратить внимание и еще на одно обстоятельство: проживание жизни в ее семиотическом измерении для человека обязательно влечет актуализацию необходимости существования Другого – Другого в роли Творца (Автора) или по меньшей мере Другого в роли Наблюдателя (Читателя).

Необходимость человеческого существования в действительности – внутри текста – неизбежно подталкивает нас к тому, чтобы изучать человека именно с позиций семиотической перспективы, с позиций методов, ориентированных на изучение мира в его знаковом, информационном аспекте. Такого рода оптика может обеспечить получение как гуманитарного знания (знания о бытии-в-тексте), так и знания социального (знания о бытии-в-тексте-для-Другого). При этом всю совокупность методов, ориентированных на изучение текстов и знаков, можно назвать *семиотическим органоном*[3].

На сегодняшний день пока, пожалуй, рано говорить о семиотическом органоне как о чем-то, что уже в полной мере сформировалось и реализовало весь свой потенциал, однако для развития семиотического инструментария в обществоведении можно усмотреть весьма богатые перспективы. В политической науке потенциальное поле применения семиотически ориентированных методов исследования очень широко.

При этом перспективы развития семиотически ориентированных методов исследования связаны не только с высоким аналитическим потенциалом семиотического органона, но и с тем, что он может сыграть роль интегратора

[3] Подробнее об органонах-интеграторах см. [Ильин 2014]. О семиотическом органоне см. [Круглый стол... 2014].

Рукописи не горят!

в отношении разделенных дисциплинарными границами областей социально-гуманитарного знания. Иными словами, язык семиотики может стать тем общим языком для гуманитарных наук, каким стала математика для наук естественных.

Базовыми концепциями для семиотики можно считать прежде всего предложенные в рамках этой дисциплины модели знака. Такие модели были предложены Фердинандом де Соссюром (знак как единство означаемого и означающего), Готлобом Фреге (знак – значение – смысл), Чарльзом Моррисом (знаковое средство – десигнат – интерпретанта – интерпретатор) и др. Также стоит обратить внимание на предложенную Моррисом концепцию трех уровней семиозиса: семантика (отношения между знаками и обозначаемыми объектами), синтактика (отношения между знаками), прагматика (отношения между знаками и ситуацией их порождения).

В качестве одного из возможных трансдисциплинарных методологических интеграторов семиотика обсуждается уже в течение достаточно долгого времени. В частности, такая перспектива была намечена Моррисом, который в своей работе 1938 г. "Основания теории знаков" пишет: "Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических" [Моррис 1983: 38].

При этом Моррис также отмечал, что семиотика должна занять двойственное положение в системе наук: с одной стороны – стать наукой в ряду других наук, с другой – взять на себя роль унифицирующей метадисциплины, которая будет выступать основой всякой другой частной науки о знаках (лингвистики, логики, математики, риторики и т.д.) [Моррис 1983: 38].

Впрочем, в своей максималистской версии намеченная Моррисом программа для семиотики на сегодня еще далека от реализации. Тем не менее вследствие произошедшего в науке XX в. "лингвистического поворота" некоторые инструменты наук о знаках сегодня уже встроены в арсенал наук о человеке и обществе. Однако существующие в этом пространстве семиотические инструменты пока не сложились в устоявшуюся и целостную систему семиотических методов исследования. Они существуют как россыпь отдельных приемов, которые образуют разнообразные сочетания и разбросаны по различным дисциплинам, школам, направлениям и исследовательским традициям (дискурс-анализ, когнитивное картирование, контент-анализ, метафорология, нарративный анализ и т.п.).

Меметика

Понятие знака, выступающее в качестве базового концепта для семиотики, отнюдь не является единственными претендентом на роль элементарной категории описания очеловеченного мира действительности. В различных попытках описания форм, обеспечивающих существование, развитие и воспроизводство человеческой культуры, мы сталкиваемся с целым набором концептов, которые представляются схожими, но при этом всегда оставляют пространство для сомнений в своей тождественности, а потому продолжают существовать параллельно. Круг таких категорий довольно широк, в него входят такие понятия, как *идея, образ, миф, нарратив, метафора, идеология, дискурс* и т.д. И, пожалуй, одно из самых молодых слов в этом ряду – *мем*[4].

[4] Встречаются случаи, когда английское *meme* переводят на русский как *мим*. Однако на сегодняшний день вариант *мем*, пожалуй, уже можно считать устоявшимся.

Понятие мема ввел в 1976 г. эволюционный биолог Ричард Докинз в своей книге "Эгоистичный ген" [Dawkins 1990]. Идея Докинза заключается в том, что вся культурная информация состоит из базовых единиц – мемов, точно так же как биологическая информация состоит из генов.

Докинз ставит вопрос: может ли существовать во Вселенной такой закон, которому бы подчинялось все живое? И сам себе отвечает: "Разумеется, я этого не знаю, но если бы мне пришлось держать пари, я бы сделал ставку на [...] закон о том, что все живое эволюционирует в результате дифференциального выживания реплицирующихся единиц. Случилось так, что реплицирующейся единицей, преобладающей на нашей планете, оказался ген – молекула ДНК. Возможно существование и других таких единиц. Если они существуют, то при наличии определенных условий они составляют основу некоего эволюционного процесса. Но надо ли нам отправляться в далекие миры в поисках репликаторов иного типа и, следовательно, иных типов эволюции? Мне думается, что репликатор нового типа недавно возник именно на нашей планете" [ibid.: 191-192][5].

Такой репликатор нового типа Докинз и называет мемом. "Первичным бульоном" для этого нового репликатора служит человеческая культура, а его примерами выступают единицы культуры во всем их разнообразии: "мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок" [ibid.: 192].

"Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией. Если ученый услышал или прочитал об интересной идее, он сообщает о ней своим коллегам и студентам. Он упоминает о ней в своих статьях и лекциях. Если идея подхватывается, то говорят, что она распространяется, передаваясь от одного мозга другому[...] Посадив в мой разум плодовитый мем, вы буквально поселили в нем паразита, превратив тем самым разум в носителя, где происходит размножение этого мема, точно так же, как размножается какой-нибудь вирус, ведущий паразитическое существование в генетическом аппарате клетки-хозяина. И это не просто *façon de parler*: мем, скажем, 'веры в загробную жизнь' реализуется физически миллионы раз, как некая структура в нервной системе отдельных людей по всему земному шару" [ibidem].

Мы начали эту статью с разговора о возможностях выхода человека за рамки, предписанные ему физической реальностью. И в некотором смысле можно говорить о том, что меметический аспект существования – это также один из способов справиться с некоторыми экзистенциальными ультиматумами Реального. При взгляде через призму меметики отчасти снятой или, по крайней мере, снимаемой оказывается проблема человеческой смертности. Докинз рассуждает так: "После смерти от нас остаются две вещи: наши гены и наши мемы. Мы были построены как генные машины, созданные для того, чтобы передавать свои гены потомкам. Но в этом аспекте мы будем забыты через три поколения. Ваш ребенок, даже ваш внук, может быть похож на вас чертами лица, музыкальной одаренностью, цветом волос. Но с каждым поколением

[5] Перевод цитат из "Эгоистичного гена" здесь и далее приводится на основе русскоязычного издания [Докинз 2013] с некоторыми редакторскими правками автора статьи.

вклад ваших генов уменьшается вдвое. Очень скоро этот вклад становится пренебрежимо мал. Наши гены могут оставаться бессмертными, однако сочетание генов, имеющееся в каждом из нас, неизбежно погибнет. Елизавета II – прямой потомок Вильгельма Завоевателя. Тем не менее вполне возможно, что у нее нет ни одного из генов старого короля. Не стоит искать бессмертия с помощью размножения... Если, однако, вы вносите какой-то вклад в мировую культуру, если у вас возникла хорошая идея, если вы сочинили песню, изобрели свечу зажигания, написали стихотворение, они могут продолжать жить в первозданном виде в течение еще долгого времени после того, как ваши гены растворятся в общем фонде [...]. Никого не беспокоит вопрос о том, сохранились ли на свете хотя бы один или два из генов Сократа. Мемокомплексы же Сократа, Леонардо да Винчи, Коперника или Маркони все еще сохраняют полную силу" [ibid.: 199].

Если вести речь о проблемах эпистемологических, а не экзистенциальных, то и здесь меметика вызывает оптимизм не у всех.

Пик интереса к меметике пришелся на конец XX – начало XXI вв. Она получила распространение благодаря работам самого Ричарда Докинза, а также ряда других ученых, таких как Дэниел Деннет [Dennett 1991] и Аарон Линч [Lynch 1996]. Кроме того, ее вхождению в оборот послужили научно-популярные работы Дугласа Хофстадера [Hofstadter 1985] и Ричарда Броуди [Brodie 1996]. С 1997 г. начал выходить журнал "Вестник меметики" (*Journal of Memetics – Evolutionary Models of Information Transmission*).

В начале 2000-х годов, однако, волна эпистемологического энтузиазма в отношении меметики пошла на спад. В 2005 г. вышел в свет последний, девятый, номер "Вестника меметики". Одна из статей, в нем опубликованных, написанная Брюсом Эдмондсом, была посвящена обсуждению того факта, что меметика сама по себе оказалась не способна обеспечить никакой познавательной "прибавочной стоимости". Ей, как констатировал Эдмондс, не удалось послужить аппаратом, который позволял бы вырабатывать оригинальные объяснения социальных феноменов и давать по поводу них прогнозы. Она стала лишь одним из возможных языков их описания, не сумевшим состояться в качестве теории, которая могла бы обеспечивать приращение знания [Edmonds 2005].

Таким образом, концепции, пытающиеся сделать мем своей центральной категорией, развития не получили. Однако само слово *мем* вошло в повседневный обиход. Кроме того, можно обнаружить интересные попытки встроить понятие мема в более широкие теоретические системы. В частности, результативное применение некоторым идеям, связанным с мемами, нашел немецкий политолог Вернер Патцельт. В его концепции эволюционного институционализма меметика оказывается тем языком, на котором описывается один из ключевых сегментов этой теоретической рамки.

Согласно концепции Патцельта, институциональная эволюция основана на передаче мемов. Эти мемы выступают как рецепты или чертежи при воспроизводстве каждого нового поколения институтов. Их освоение происходит, например, в процессе институциональной социализации, и именно благодаря им воспроизводятся нормативные и поведенческие модели (институциональные формы) в процессе замены одного поколения институциональной генерации следующей.

Как только происходит процесс репликации или социализации, начинает работать алгоритм эволюции. И, как полагает Патцельт, работа этого алгорит-

ма в мире культуры и общества не многим отличается от работы в мире природы. Институты в механизме культурной эволюции оказываются включены в такие же процессы, в какие в живой природе включены виды.

Каждое новое поколение в природе воспроизводит, копирует генетическую картину, присущую этому виду, каждое новое поколение института таким же образом воспроизводит набор меметических предписаний, формирующих соответствующий институт. И в обоих случаях при имитации могут происходить некоторые изменения. Но не все новые версии генетических и меметических картин имеют одинаковые шансы быть сохраненными и стать основой для дальнейших конструкций. Они проходят два этапа отбора – внешний и внутренний. При прохождении внутренней селекции больше шансов быть сохраненными имеют те изменения, которые соответствуют уже существующей структуре конструкции, будь то один из видов или институтов. Затем включаются внешние факторы селекции. Под их действием сохраняются или отбрасываются возникшие вариации в зависимости от того, насколько сбалансированными они делают отношения между видом или институтом и окружающей его средой.

В итоге из возникающих в каждом поколении генетических или меметических вариаций лишь некоторые сохраняются. И в случае с институтами эти сохранившиеся после отбора отклонения можно назвать культурными мутациями [Патцельт 2014].

Таким образом, виды эволюционируют через воспроизводство и изменение генов, институты – через воспроизводство и изменение мемов. Мемы – это культурные образцы, которые могут быть распознаны и использованы для оформления мыслей или действий. Это информация о правилах, которым необходимо следовать в том или ином институте, это предписания, задающие ролевые структуры института, это руководящие идеи, которые разделяются участниками института. Мемы переносятся и распространяются носителями (*vehicles*) – мыслями и речами людей, текстами и фотографиями, ритуалами и религиозными церемониями, а также такими институтами, как, например, политические партии или кафедры политической науки [там же].

Патцельт пишет, что эволюцию институтов можно рассматривать как частный случай эволюции вообще, и представляет впечатляющий параллельный вокабуляр для концептов, использующихся при описании эволюционных процессов в культуре и в живой природе (см. ниже). При этом важно обратить внимание, что концептуальные параллели между процессами эволюции видов и институтов, по мнению Патцельта, не являются результатом метафорического перенесения генетической логики на изучение институтов. Как не является это и аналогией. Патцельт настаивает, что такого рода параллели – следствие того, что и генетика, и меметика суть частные случаи более общего принципа эволюции [Patzelt 2014].

Однако один момент в очерченных Патцельтом параллелях вызывает сомнение. В процессах, которые мы наблюдаем в живой природе, генотип и фенотип обладают фундаментальными субстанциональными различиями. Генотипом называют набор данных наследственности, закодированных в ДНК. Фенотипом – набор характеристик организма, приобретенных им в результате индивидуального развития. При этом между мемотипом (эквивалент генотипа) и фемотипом (эквивалент фенотипа) в концепции Патцельта никакой выраженной субстанциональной разницы мы не обнаруживаем. И то, и другое суть наборы культурных образцов. С той лишь разницей, что в мемотипе

представлены образцы нормативного характера, разделяемые всей группой, а в фемотипе – индивидуализированные, персонально искаженные образцы.

Можно предположить, что параллель между генетическими и меметическими процессами могла бы быть проведена более последовательно, если бы между мемотипом и фемотипом также была бы прослежена некоторая субстанциональная разница. Вероятно, фемотип, в отличие от мемотипа, мог бы быть представлен не как набор кодированных образцов, а как совокупность когнитивных схем или же как набор культурных практик.

Следует обратить внимание еще на одну проблему. Патцельт подробно прорабатывает вопрос о том, как мемы функционируют по отношению к институтам, однако, как представляется, следует более внимательно отнестись к тому, что есть мемы сами по себе. Как они устроены? Как они могут описываться? Как могут фиксироваться изменения, в них происходящие? Возможно, для ответа на эти вопросы окажется полезным выстраивание интерфейса между аппаратами меметики и семиотики.

СЕМИОТИКА И / ИЛИ МЕМЕТИКА?

Поскольку мем существует как нечто закодированное, для него, как для любого знака, возможны описания с точки зрения трех семиотических измерений: семантики, синтактики и прагматики. Выделение этих трех аспектов позволяет развести три функциональности мема:

– способность накапливать и представлять смыслы – семантика;

– способность вступать в связи с другими мемами – синтактика;

– способность быть полезным (действенным) в определенных ситуациях – прагматика.

Но в связи с этим возникает вопрос: *в чем вообще отличие мема от знака?* Отвечая на этот вопрос, мы, по всей видимости, должны констатировать, что понятие мема *уже* понятия знака. Мемом мы называем знак в тот момент, когда рассматриваем его с точки зрения включенности в процессы культурной эволюции.

Однако отнюдь не все знаки существуют в пространстве культуры. Поле применения аппарата семиотики выходит за пределы культурного универсума. И, например, генетические коды могут быть предметом семиотического рассмотрения ничуть не в меньшей степени, чем коды меметические. Таким образом, *всякий мем является знаком, но не всякий знак является мемом.*

Можно попытаться дополнить выстроенную Патцельном параллельную терминологию генетики и меметики семиотическими терминами (см. табл.).

Таблица

Параллельные вокабуляры генетики, меметики, семиотики

Генетика	Меметика	Семиотика
Ген	Мем	Знак
Суперген	Мемплекс (мемокомплекс)	Текст
Генофонд	Мемофонд	Язык (код, *langue*)
Генотип	Мемотип	Дискурс-программа
Фенотип	Фемотип	Идиодискурс
Фенофонд	Фемофонд	Словарь идиодискурсов
Эпигенетическая система	Эпимеметическая система	Дискурсивные практики

Возникает, однако, справедливый вопрос: *а в чем же вообще ценность различения мемов и знаков?*

Если речь идет об уровнях семантики и синтактики, ценность понятия *мем* действительно едва ли просматривается. Выделяя семантический и синтактический аспекты рассмотрения, мы можем прояснить устройство мема, но вряд ли можем выйти за пределы утверждения о том, что для мема в плане семантики и синтактики верно все то, что верно для любого другого знака.

Рассматривать знак именно как мем имеет смысл на уровне прагматики, поскольку, используя аппарат меметики, можно попробовать выработать такие модели, которые позволяли бы объяснять, почему определенные знаки в определенных обстоятельствах действенны – и потому вирулентны.

Формальных моделей описания прагматики на сегодня в семиотике не выработано, и, вероятно, причина как раз в том, что это та точка, в которой семиотика нуждается в метаязыке, отличном от ее собственного. Меметика, пожалуй, не сможет сразу предложить универсальных прагматических моделей, однако окажется в состоянии выработать аналитические схемы, применимые при разборе любых культурных объектов. Некоторые перспективные направления для такой работы были намечены Майклом Лиссаком [Lissack 2004].

Есть и еще одно обстоятельство, в связи с которым термин *мем* может оказаться полезным. Семиотика, хоть и выступает как метадисциплна в отношении лингвистики, тем не менее несет в себе глубокий отпечаток лингвистической "наследственности". Ведь исторически именно лингвистика была для семиотики материнской дисциплиной [Соссюр 1977: 54]. По этой причине и по сей день ключевые семиотические концепты, такие как, например, *язык* или *текст*, несут в себе хоть и следовые, но почти всегда ощутимые лингвистические коннотации. С этой точки зрения понятие *мем* имеет преимущества. Оно может быть использовано для описания тех же знаково оформленных фрагментов действительности, но при этом не обременено лингвистическими смыслами.

Есть, однако, у мема и свой изъян. На сегодняшний день это слово часто употребляется исключительно в отношении наиболее вирулентных культурных образцов. При том, что, строго говоря, мемами следует называть вообще любые культурные единицы, а не только те из них, что успешно распространяются. Иными словами, оттого, что мем не очень вирулентен, он не перестает быть мемом.

Переводя вопрос о соотношении семиотики и меметики в область более абстрактных рассуждений, мы можем отметить, что зона пересечения этих дисциплин расположена в том месте, где переходят друг в друга и друг друга дополняют две познавательные способности (два органона) – морфология и семиотика. При этом в точке смыкания семиотики и меметики эти органоны пересекаются не в общий своих формах, а в предметно насыщенных вариациях. Семиотика – в виде семиотики культуры, а морфология – в виде эволюционного институционализма.

Если будет предпринята попытка очистить меметику от культурной предметности (об очищении и насыщении методологий см. [Фомин 2015]), то она, как можно предположить, сможет, во-первых, обогатить общую семиотику

некоторыми фундаментальными прагматическими моделями; а, во-вторых, стать частью общей эволюционной морфологии, позволив выработать некоторые универсальные принципы для изучения "рецептов" и "чертежей" в любых эволюционных процессах. Впрочем, взаимное дополнение морфологии и семиотики даже только на уровне культурных процессов уже позволяет преодолевать ограничения, присущие каждому из этих органонов в отдельности.

Бахтин М.М. 2002. *Собрание сочинений. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Русские словари. 800 с.

Докинз Р. 2013. *Эгоистичный ген*. М.: АСТ: CORPUS. 512 с.

Ильин М.В. 2009. Существуют ли общие принципы эволюции? – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 186-189.

Ильин М.В. 2014. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разъединенные сферы познания? – *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 4.* М.: ИНИОН РАН. С. 6-11.

Круглый стол "Математика и семиотика: две отдельные познавательные способности или два полюса единого органона научного знания?". 2014. – *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 4* . М.: ИНИОН РАН. С. 122-142.

Моррис Ч.У. 1983. Основания теории знаков. – *Семиотика*. М.: Радуга. С. 37-89.

Патцельт В.Дж. 2014. Прочтение истории. – *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 4.* М.: ИНИОН РАН. С. 228-260.

Рейхенбах Г. 2003. *Направление времени*. М.: Едиториал. 360 с.

Риккерт Г. 1998. *Науки о природе и науки о культуре*. М.: Республика. 413 с.

Руднев В.П. 2000. *Прочь от реальности*. М.: Аграф. 432 с.

Соссюр Ф. де. 1977. Курс общей лингвистики. – *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс. С. 31-273.

Фомин И.В. 2015. Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария. – *Политическая наука*. № 2. (В печати.)

Шрёдингер Э. 2002. *Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки*. М.; Ижевск: НИЦ "Регулярная и хаотическая динамика". 92 с.

Brodie R. 1996. *Virus of the mind: The new science of the meme*. Seattle, Wash: Integral Press. 288 p.

Dawkins R. 1990. *The selfish gene*. Oxford: Oxford univ. press. 352 p.

Dennett D. 1991. *Consciousness explained*. Boston: Little, Brown and Co. 511 p.

Edmonds B. 2005. The revealed poverty of the gene-meme analogy – why memetics per se has failed to produce substantive results. – *Journal of memetics – Evolutionary models of information transmission*. No. 9. URL: http://cfpm.org/jom-emit/2005/vol9/edmonds_b.html (accessed 17.09.2013).

Hofstadter D. 1985. On viral sentences and self-replicating structures. – *Metamagical themas*. Harmondsworth: Penguin. P. 49-69.

Lissack M. 2004. The redefinition of memes: ascribing meaning to an empty cliché. – *Journal of memetics – Evolutionary models of information transmission*. No. 8. URL: http://cfpm.org/jom-emit/2004/vol8/lissack_mr.html (accessed 17.09.2013).

Lynch A. 1996. *Thought contagion*. N.Y.: BasicBooks. 192 p.

Parsons T. 1966. *Societies: evolutionary and comparative perspective*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 120 p.

Patzelt W.J. 2014. *Evolutionary institutionalism and morphology: [Materials for the Moscow lectures]*. Author's archive.

DOI: 10.17976/jpps/2015.03.05

INTEGRATING THE HUMANITIES: SEMIOTICS OR MEMETICS?

I.V. Fomin[1]

[1]*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

FOMIN Ivan Vladlenovich, Cand. Sci. (Pol. Sci), junior research fellow, Center of Advanced Methodologies for Social Studies and Humanities of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS. Email: fomin.i@gmail.com

Received: 16.02.2015. Accepted: 25.02.2015

This research is a part of the project "Advancement of integrated methods and research techniques for the fundamental social studies and humanities" (supported by the grant No. 13-06-00789 from the Russian Foundation for Basic Research)

Abstract. The article explores semiotics and memetics as two concepts that both seek to play the role of transdisciplinary integrators for humanities. Semiotics with its theoretical and methodological concepts allows to study not only texts in natural languages, but any pieces of semiotic reality. So in prospect it can play in the humanities the role that is similar to that played by mathematics in natural science. However, nowadays semiotic research methods exist only as number of stand-alone methods dispersed in various disciplines, traditions and fields of study. In order to come to function as an integrative methodology semiotic concepts that are in use should be properly reflected from this transdisciplinary point of view. The concept of sign, which is a basic concept of semiotics, is not an exclusive notion that can become an elementary category for the analysis of cultural reality. In social sciences and humanities one can find a whole range of concepts that try to grasp and represent some abstract elemental forms in which culture is brought to existence, developed and reproduced. In this range one can find words like myth, idea, image etc. The meaning of those concepts in some aspects can seem rather similar, but for some reason they exist parallelly and always leave an impression that there is some difference between them that does not allow them to be converged. The concept of meme is one of the newest ones in this set of notions. According to memetics (study of memes), any cultural information is composed of memes, in the same way as biotic information is composed of genes. But is memetics capable of going beyond this primary vision? Can it be a functional theoretical and analytical tool? Can it be complemented with the concepts of semiotics? What are the strengths and weaknesses of these two theoretical and methodological frameworks?

Keywords: methods of humanities; morphology; meme; memetics; semiotics; evolutionary institutionalism; transdisciplinarity.

References

Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii. T. 6: Problemy poetiki Dostoevskogo* [Collected Edition. Vol. 6: Problems of Dostoyevsky's Poetics]. Moscow: Russkie slovari. 2002. 800 p. (In Russ.)

Brodie R. *Virus of the mind: The New Science of the Meme.* Seattle, Wash: Integral Press. 1996. 288 p.

Dawkins R. *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford Univ. press. 1990. 352 p.

Dawkins R. *The Selfish Gene. (Russ. ed.: Egoistichnyi gen.* Moscow: AST: CORPUS. 2013. 512 p.]

Dennett D. *Consciousness Explained.* Boston: Little, Brown and Co. 1991. 511 p.

Edmonds B. The Revealed Poverty of the Gene-meme Analogy – Why Memetics Per Se Has Failed to Produce Substantive Results. – *Journal of memetics – Evolutionary models of information transmission*. 2005. No. 9. URL: http://cfpm.org/jom-emit/2005/vol9/edmonds_b.html (accessed 17.09.2013).

Fomin I.V. Transdisciplinary Perspectives in Political Studies: the Potential of Semiotics. – *Political Science*. 2015. No. 2. (In Russ., in press.)

Hofstadter D. On Viral Sentences and Self-replicating Structures. – *Metamagical Themas.* Harmondsworth: Penguin. 1985. P. 49-69.

Ilyin M.V. Are There General Principles of Evolution? – *Polis. Political Studies*. 2009. No. 2. P. 186-189. (In Russ.)

Ilyin M.V. Methodological Challenge. What Unites the Science? How to Integrate the Separated Fields of Knowledge?. – METOD: Moscow Yearbook of Social Studies. Issue 4]. Moscow: INION RAN. 2014. P. 6-11. (In Russ.)

Round Table "Mathematics and Semiotics: Two Separate Methodologies or Two Poles of the Integrated Organon of Science?" – METOD: Moscow Yearbook of Social Studies. Issue 4]. Moscow: INION RAN. 2014. P. 122-142. (In Russ.)

Lissack M. The Redefinition of Memes: Ascribing Meaning to an Empty Cliché. – *Journal of memetics – Evolutionary models of information transmission*. 2004. No. 8. URL: http://cfpm.org/jom-emit/2004/vol8/lissack_mr.html (accessed 17.09.2013).

Lynch A. *Thought Contagion*. N.Y.: BasicBooks. 1996. 192 p.

Morris Ch. W. *Osnovaniya teorii znakov* [Foundations of the Theory of Signs]. – *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga. 1983. P. 37-89. (In Russ.)

Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspective*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1966.120 p.

Patzelt W.J. *Evolutionary institutionalism and morphology: [Materials for the Moscow lectures]*. 2014. Author's archive.

Patzelt W.J. Reading the History. – *METOD: Moskovskiĭ ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Vyp. 4* [METOD: Moscow Yearbook of Social Studies. Issue 4]. Moscow: INION RAN. 2014. P. 228-260. (In Russ.)

Reichenbach H. *Napravlenie vremeni* [The Direction of Time]. Moscow: Editorial. 360 p. 2003. (In Russ.)

Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [The Natural Sciences and Cultural Sciences]. Moscow: Respublika. 1998. 413 p. (In Russ.)

Rudnev V.P. *Proch' ot real'nosti* [Away from Reality]. Moscow: Agraf. 2000. 432 p. (In Russ.)

Saussure F. de. Kurs obshchei lingvistiki [Course in General Linguistics]. – *Trudy po yazykoznaniyu* [Works of Linguistics]. Moscow: Progress. 1977. P. 31-273. (In Russ.)

Schrödinger E. *Chto takoe zhizn'? Fizicheskii aspekt zhivoi kletki* [What is Life? The Physical Aspect of the Living Cell]. Moscow; Izhevsk: NITs "Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika". 2002. 92 p. (In Russ.)